

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.979

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-104-112>

Проявления криминального профессионализма в деятельности разбойных шайек дореволюционной России

К. А. Зарубина¹ ✉

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: kris1996z@mail.ru

Резюме

Актуальность. Профессиональная преступность – это один из опаснейших, относительно самостоятельных видов преступности, представляющих серьёзную угрозу для современного общества и государства. В настоящее время не выработано единого подхода к оценке состояния, динамики и тенденций развития этого опасного криминального явления. Не определены адекватные уровню опасности этой разновидности преступной деятельности механизмы борьбы с ней. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования профессиональной преступности во всей ее сложности и многозначности, в том числе затрагивающие отдельные вопросы эволюции рассматриваемого опасного криминального явления во времени и пространстве.

Цель исследования – теоретический анализ и определение социально-правовой сущности профессиональной преступности в дореволюционной России (на примере анализа общественно опасной деятельности разбойных шайек).

Задачи: проанализировать отечественное законодательство дореволюционного периода, предусматривающее привлечение к ответственности за систематическое совершение разбойных нападений; определить особенности совершения преступлений на профессиональной основе разбойными шайками в дореволюционной России; выявить элементы криминальной субкультуры, поддерживаемой сообществом профессиональных разбойников в исследуемый период в России.

Методология. Для достижения поставленной цели использовались такие общенаучные и частнонаучные методы исследования, как метод анализа, синтеза, обобщения, сравнительно-правовой и хронологический.

Результаты. Определено, что многие разбойники, промышлявшие на «больших дорогах» в изучаемый период, обладали всеми признаками криминального профессионализма: наличие преступной специализации, квалификации, восприятия криминальной деятельности как источника дохода, связей с преступным миром, в том числе выражаемых в восприятии и преумножении ценностей и норм криминальной субкультуры.

Вывод. К концу XIX – началу XX века в России сформировался монолитный, хорошо структурированный и консолидированный уголовный мир, особую роль в котором играло профессиональное преступное «ядро». Не последнее место в криминальной иерархии занимали профессиональные разбойники, наносящие существенный вред экономическим отношениям в обществе и национальной безопасности страны.

Ключевые слова: разбойники; преступление; разбойная шайка; профессиональная преступность; криминальный профессионализм; преступная квалификация.

Финансирование: НИР подготовлена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033).

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Зарубина К. А. Проявления криминального профессионализма в деятельности разбойных шайек дореволюционной России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 1. С. 104–112. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-104-112>.

Поступила в редакцию 21.12.2023

Принята к публикации 29.01.2024

Опубликована 28.02.2024

© Зарубина К. А. 2024

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2024; 14(1): 104–112

Manifestations of Criminal Professionalism in the Activities of Robber Gangs of Pre-Revolutionary Russia

Kristina A. Zarubina¹ ✉

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: kris1996z@mail.ru

Abstract

Relevance. Professional crime is one of the most dangerous, relatively independent types of crime, which poses a serious threat to modern society and the state. Currently, there is no unified approach to assessing the state, dynamics and trends of this dangerous criminal phenomenon. Mechanisms to combat this type of criminal activity that are adequate to the level of danger have not been identified. In this regard, special studies of professional crime in all its complexity and ambiguity are becoming particularly relevant, including those affecting certain issues of the evolution of this dangerous criminal phenomenon in time and space.

The purpose. The purpose of the study is a theoretical analysis and definition of the socio-legal essence of professional crime in pre-revolutionary Russia (using the example of the analysis of socially dangerous activities of robber gangs).

Objectives: to analyze the domestic legislation of the pre-revolutionary period, providing for accountability for repeated robbery; to determine the specifics of committing crimes on a professional basis by robber gangs in pre-revolutionary Russia; to identify elements of the criminal subculture supported by the community of professional robbers in the period under study in Russia.

Methodology. To achieve this goal, such general scientific and private scientific research methods as the method of analysis, synthesis, generalization, comparative legal and chronological methods were used.

Results. It was determined that many robbers who traded on the "high roads" during the studied period possessed all the signs of criminal professionalism: the presence of criminal specialization, qualifications, perception of criminal activity as a source of income, connections with the criminal world, including those expressed in the perception and multiplication of values and norms of the emerging criminal subculture.

Conclusion. By the end of the nineteenth and early twentieth centuries, a monolithic, well-structured consolidated and criminal world had formed in Russia, in which the professional criminal «core» played a special role. Professional robbers occupied not the least place in the criminal hierarchy, causing significant harm to economic relations in society and the national security of the country.

Keywords: robbers; crime; robber gang; professional crime; criminal professionalism; criminal qualification.

Funding: The research was prepared within the framework of the state task for 2024 "Transformation of private and public law in conditions of evolving personality, society and the state" (number 0851-20200033).

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Zarubina K. A. Manifestations of Criminal Professionalism in the Activities of Robber Gangs of Pre-Revolutionary Russia. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024; 14(1): 104–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-1-104-112>

Received 21.12.2023

Accepted 29.01.2024

Published 28.01.2024

Введение

К неотъемлемым признакам криминального профессионализма современные криминологи относят наличие преступной специализации, квалификации, связей с преступным миром, нередко вы-

ражающихся в приобщении к ценностям криминальной субкультуры, а также восприятие общественно опасной деятельности как источника дохода (чаще всего значительного, единственного и постоянного). Эти признаки обнаруживаются не только в деятельности современных пре-

ступников-профессионалов, но и в промысле криминальных группировок дореволюционной России, поскольку именно в этот период в российском государстве формируется монолитный, консолидированный и хорошо структурированный профессиональный преступный мир.

Цель настоящего исследования – теоретический анализ и определение социально-правовой сущности профессиональной преступности в дореволюционной России (на примере анализа общественно опасной деятельности разбойных шаек).

Методология

Для достижения поставленной цели в работе использовались принципы научной достоверности и объективности, позволившие комплексно проанализировать социально-правовую сущность преступной деятельности разбойных шаек в дореволюционной России как проявление профессиональной преступности. В работе использовались такие общенаучные и частнонаучные методы, как метод анализа, синтеза, обобщения, сравнительно-правовой и хронологический. Методы анализа, синтеза и обобщения применялись для разработки теоретической базы исследования. Сравнительно-правовой метод позволил проанализировать и сравнить отечественное законодательство дореволюционного периода, предусматривающее привлечение к ответственности за повторный разбой на разных этапах развития российского государства. Хронологический метод применялся с целью определения особенностей совершения преступлений на профессиональной основе разбойными шайками в дореволюционной России, выявления элементов криминальной субкультуры, поддерживаемой сообществом профессиональных разбойников в разные периоды.

Результаты и их обсуждение

Огромные территориальные пространства, слабая заселённость страны,

отдалённость городских и сельских поселений друг от друга в исследуемый период способствовали активизации преступных шаек¹, промысляющих на «больших дорогах» [1, с. 17]. Детерминирующим фактором роста преступной активности разбойников также выступали миграционные процессы, связанные с непрекращающимся бегством крепостных крестьян на окраинные территории государства (крепостные крестьяне, как правило, бежали от помещиков в поисках «лучшей жизни»). В связи с этим криминогенная обстановка в стране обострялась.

На ключевых транспортных путях сообщений преступники отбивали товары, обозы, разграбляли рынки. Особо «прибыльным» был пригород Москвы [2, с. 53–58], где «кормились» многие преступники. По справедливому замечанию исследователя С. Я. Лебедева, «центром», где в рассматриваемый период сходились преступные силы и откуда они отправлялись для осуществления своих преступных планов, были кружечные дворы, «где разбойники собирались для того, чтобы «отпраздновать» свои успехи в преступном ремесле за «кружечкой хмельного» и «почерпнуть» отвагу и мужество для новых смелых «предприятий». Кроме того, эти дворы были пунктами вербовки молодого поколения в криминальную среду. Местами сбора преступников также были дремучие леса, расположенные возле «больших дорог» [3, с. 91]. Дело в том, что власти старались вытеснить разбойников из сёл и посадов, однако это не решало проблему, вследствие чего они перемещались в «леса и глухие углы» [4, с. 690].

Тяжёлое материальное положение большей части населения (преимущественно крестьянства) заставляло людей

¹ В контексте данного исследования под понятием «шайка» подразумевается особая форма соучастия, предполагающая соглашение лиц на совершение нескольких определенных или неопределенных, однородных, разнородных преступных деяний (по Н. С. Таганцеву).

разбойничать и примыкать к подобным шайкам [5, с. 54]. Особо стоит подчеркнуть, что такого рода криминальный промысел имел не разовый характер. Однажды примкнув к одной из подобных шаек разбойников, лицо, как правило, оставалось там навсегда. Причём криминальная деятельность этих шаек со временем становилась всё более и более «профессионализированной», на что указывает ряд фактов.

Во-первых, разбойные шайки в дореволюционный период совершали преступления на постоянной основе, что свидетельствовало о наличии у членов этих шаек криминальной специализации. Вот что об этом пишет известный правовед-криминолог XIX в. Л. С. Белогриц-Котляревский: «...Разбойники воплощали в себе образ свободной жизни русского простолюдина <...> Разбойник, скитающийся по степям и проводивший свою жизнь в разбоях и грабежах, вообще в преступлениях, вдруг становится идеалом, разгорячающий фантазию простолюдина <...> Воровство и разбой редко совершались единолично, чаще злоумышленники составляли преступные ассоциации, шайки, чуть ли не среди благого дня шатавшихся по улицам в санях и ходили толпами...» [6, с. 4, 15–16]. Проанализировав данный отрывок, обратим внимание на следующее обстоятельство. В выражении «проводивший свою жизнь в разбоях и грабежах, вообще в преступлениях» Л. С. Белогриц-Котляревский фактически указывает на то, что преступления в данном случае совершались не от случая к случаю, а постоянно, на протяжении всей жизни, следовательно, у преступника-разбойника отмечается устойчивый «интерес» к криминальной жизни, другими словами, появляется преступная специализация.

Известный русский историк начала XVIII в. И. Т. Посошков в «Книге о скудности и богатстве», в свою очередь, замечал: «Во всех государствах христианских и бусурманских разбоев нет таких

<...> везде у нас разбои чинятся, деревни разбивают и сжигают...» [7, с. 151].

На повторность и особую распространённость этого вида преступности указывает и действующее в этот период законодательство [8]. Впервые на повторность разбоя как наотягчающее обстоятельство указывало Соборное Уложение 1649 г. (ст. 17, гл. XXI)¹. Указ от 11 мая 1663 г. предусматривал в отношении татей и разбойников, приговоренных к смертной казни за два или три разбоя, ее замену отсечением обеих ног и левой руки, которые после прибывали на деревнях, расположенных по «большим дорогам», с целью устрашения населения [9, с. 566–567]. Полагаем, что выбор места для «вывешивания» на всеобщее обозрение частей тела преступников был не случаен, поскольку именно на «большой дороге» орудовали шайки разбойников. Скорее всего, данная «акция» проводилась в наидание другим преступникам.

Позднее институт разбоя находит более подробное правовое отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение 1845 г.). В рассматриваемом нормативном правовом акте – по сути, первом уголовном кодексе Российской империи, разбой был отнесен к хищениям чужого имущества [10, с. 15–21]. В полном объеме в данном нормативном правовом акте было устранено и смешение понятий «разбой» и «грабеж» [11, с. 34–37]. Особо примечательно, что ст. 2132 Уложения 1845 г. устанавливала наказание за разбой, совершённый на улице какого-либо города или местечка, селения, или же на большой или иной проезжей, «хотя бы и проселочной» дороге [12, с. 843]. Наказание за совершение упомянутых действий назначалось более суровое. Данный признак указывал на сплочённость преступных группировок, что было свойственно

¹ Соборное Уложение от 29 января 1649 года // Гарант: сайт. URL: <http://base.garant.ru/57791500/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a66868fe/> (дата обращения: 22.10.2023).

профессиональным преступникам. Дополнительно устанавливалось, что в том случае, если человек «быв уже наказан за разбой, окажется виновным снова в том же преступлении», то наказание ужесточалось (ст. 2137 Уложения 1845 г.) [12, с. 845].

В ст. 589 Уголовного уложения 1903 г. также учреждалось, что учинение разбоя шайкой, лицом, отбывшим не менее 3 раз наказания за воровство, мошенничество, вымогательство или разбой, до истечения 5 лет со дня отбытия наказания за одно из данных преступлений наказывалось более сурово, нежели совершение разбойного нападения единожды [13, с. 119].

Как видим, в действующем в дореволюционный период отечественном законодательстве также присутствовало указание на повторность разбоя. Причём это обстоятельство определялось законом какотягчающее. Исходя из этого, можно заключить, что разбойные шайки в дореволюционный период в России действительно существовали за счёт постоянного извлечения прибыли от совершения преступлений, что, в свою очередь, указывало на формирующийся криминальный профессионализм.

В подтверждение этому рассмотрим нашумевшее в отечественной истории дело стольника П. Кропотова. Согласно сохранившимся сведениям, Прохор Кропотов и его сообщники в Московской губернии в XVII в. организовали преступную шайку и несколько лет грабили и сжигали сёла и деревни в Подмосковье. На протяжении продолжительного времени они извлекали значительную прибыль от совершения преступных деяний, причём делали это регулярно. По мнению историка П. Л. Седова, денежные средства нужны были разбойникам для того, чтобы удовлетворить свои растущие потребности, обеспечить себе роскошную жизнь. Это прямо указывает на признак криминального профессионализма – восприятие и использование преступной деятельности как источника

средства существования. Разбойная шайка Прохора Кропотова долгое время скрывалась от уголовного преследования, однако после поимки в июле 1679 г. главаря и его сообщников казнили на Красной площади. По оценкам исследователей, по степени значимости для власти и российского общества расправу над этой группировкой сравнивали с казнью одного из главных государственных преступников XVII в. Степана Разина [14, с. 328–331].

Так, в преступной деятельности разбойников в исследуемый период чётко обнаруживались такие признаки криминального профессионализма, как наличие криминальной специализации, квалификации, получение дохода от преступной деятельности (значительного и постоянного).

И наконец, особо скажем о том, что дореволюционные преступники-разбойники тесно поддерживали связи с иными представителями преступного мира. Вследствие этого в среде разбойников в дореволюционный период активно формировалась и развивалась криминальная субкультура. Голландский мемуарист И. Масса ещё в начале XVII в. писал о том, что у лиц, «гуляющих» на свободе и промышляющих разбоем, существовал свой тайный язык – отверница [15, с. 66–70]. Иногда его относят к ранним формам воровского аргота [16, с. 72]. Кроме того, в преступной среде разбойников в дореволюционный период начал формироваться уголовный фольклор (например, появились мифы, легенды, насаждающие образ «смелого вора» или особо «удачливого разбойника») [17, с. 113–116]. Профессиональные разбойники имели в дореволюционный период собственные криминальные традиции, обычаи, признаваемые всеми членами преступного круга, клички (свидетельства этого мы находим в некоторых жизнеописаниях известных профессиональных преступников дореволюционной России – например, в жизнеописании судьбы выдающегося крими-

нального элемента XVIII в. Ваньки Каина, промышлявшего воровством и разбоем). Особо подчеркнём, что отдельные исследователи, давая характеристику криминальным профессиям, распространённым в России в XIX в., даже стали выделять самостоятельную «категорию» профессиональных преступников – «забирах» или «громил» – лиц, совершающих разбойные нападения и грабежи, отмечая, что эти криминальные элементы более солидарны между собой, чем иные «категории» профессиональных преступников [3, с. 93, 97]. Интересно, что в этот период преступники даже слагали свои собственные криминальные песни – «предвестники» блатной музыки [18, с. 77–83]. Всё это указывает на то, что криминальная среда разбойников в дореволюционной России всё более и более «напоминала» профессиональное преступное сообщество, члены которого обладали всеми признаками криминального профессионализма. Однако говорить абсолютно точно о том, что все разбойники, промышлявшие на «больших дорогах» в России в это время, были «настоящими» профессиональными преступниками, не совсем верно, поскольку многие разбойные шайки совершали преступления примитивно, вследствие чего быстро обнаруживались сотрудниками правоохранительных органов и осуждались к высшей мере наказания.

Так, например, в соответствии с донесением Ярославского обер-коменданта преступники в начале XVIII в. часто нападали на вотчины. Голландский резидент, прибывавший в России в это время, отмечал: «За один день в Петербурге колесовали, повесили и подняли за рёбра 24 разбойника, 85 получили кнут и батоги, 15 – сослали на каторжные работы и били кнутом» [19]. При этом подчеркнём, что столь высокая результативность борьбы с разбойным «движением» в России отмечалась в условиях недостаточной эффективности работы правоохранительных органов в деле противодействия преступ-

ности и отсутствия специализированных отделений по борьбе с формирующейся и активно развивающейся профессиональной преступностью. Так, по справедливому утверждению известного русского историка В. О. Ключевского: «В России долгое время не было учреждения, которое бы вело организованную, постоянную борьбу с лихими людьми, рецидивистами, профессиональными разбойниками и татями <...> Между тем страшное развитие разбойничества, о котором говорят памятники тех веков, требовало особых органов управления для ограждения общественной безопасности и предупреждения преступлений...» [20, с. 472].

Из этого всего можно заключить, что деятельность многих разбойных шаек в России в дореволюционный период всё-таки не отличалась высоким уровнем развития криминального профессионализма, хотя это и не исключает значительного совершенствования криминальных умений и навыков этой «категории» преступников, указывающего на трансформацию общественно опасной деятельности разбойников из «традиционной» общеуголовной в «профессиональную».

Выводы

Таким образом, в дореволюционный период в России, начиная с образования единого централизованного государства, постепенно формировался монолитный и консолидированный уголовный мир, особую роль в котором играло профессиональное преступное «ядро». Не последнее место в нём занимали профессиональные разбойники, чаще всего промышлявшие на «больших дорогах». Существенная территориальная разобщённость городских и сельских поселений, значительная удалённость их друг от друга, сопряжённая с отсутствием эффективно разработанной системы противодействия органов государственной власти разбойным нападениям, способствовали

развитию промысла разбойных шаек. На это указывают как многочисленные свидетельства современников событий, так и действующее в этот период законодательство. Вследствие этого к концу XIX – началу XX в. в российском криминальном мире чётко стала определяться «категория» профессиональных разбойников. Хотя деятельность абсолютно всех преступников, промышлявших разбоем,

под данную «катеґорию» не подпадала. Профессиональными разбойниками были наиболее «успешные», ловкие и «талантливые» преступники, обладающие особыми криминальными знаниями, умениями, навыками, что позволяло им продолжительное время вести общественно опасную деятельность, «зарабатывать» себе на жизнь противоправным способом и оставаться «незамеченными».

Список литературы

1. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть общая. Книга первая, вып. 3: Учение о преступлении. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. 174 с.
2. Камедина Л. В. Культурная картина Смуты 1605–1612 гг. глазами русских писателей // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2013. № 4 (36). С. 53–58.
3. Лебедев С. Я. Традиции, обычаи и преступность. Теория, методология, опыт криминологического анализа. М.: Межрегиональный центр коммерческой безопасности, 1995. 167 с.
4. Соколов К. Б., Черносвитов П. Ю. Европа и Россия: ментальность и художественная культура: сравнительно-исторический анализ. Т. 1. М.: Нестор-История, 2007. 718 с.
5. Стрижова И. М. Великая Русская Смута. Причины возникновения и выход из государственного кризиса в XVI–XVII вв. М.: Дарь, 2007. 209 с.
6. Белогриц-Котляревский Л. С. О воровстве и краже по русскому праву: Историко-догматическое исследование. Вып. 1. Киев: Унив. тип. (И. Завадзкого), 1880. С. 4–16.
7. Посошков И. Т. Книга о скудности и богатстве и другие сочинения / ред. и коммент. д-ра ист. наук Б. Б. Кафенгауза. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 411 с.
8. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.
9. История суда и правосудия в России. Т. 2: Законодательство и правосудие в Московском государстве (конец XV – 70-е годы XVII века): монография / отв. ред. Н. М. Золотухина, В. М. Сырых. М.: Норма, 2017. 688 с.
10. Вьюнов В. М. Становление состава разбоя в российском уголовном праве // Сибирский юридический вестник. 2002. № 3. С. 15–21.
11. Андреева О. А., Шкурко В. В. История формирования уголовной ответственности за разбой в российском уголовном праве // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2020. №1 (31). С. 34–37.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1845. 922 с.
13. Уголовное уложение 1903 г. СПб.: Изд. Сенат. тип., 1903. 144 с.
14. Седов П. Л. Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 603 с.
15. Хаджаева Н. Х. Лингвокультурологический аспект возникновения в языке социальной лексики // *Lingua mobilis*. 2011. №6 (32). С. 66–70.
16. Приемышева М. А. Тайные и условные языки в России XIX в. Часть I. СПб.: Нестор-История, 2009. 986 с.
17. Уваров А. И. Юридическая дефиниция криминальной субкультуры // Юрист-правовед. 2012. №4 (53). С. 113–116.

18. Зарубина К. А. О развитии криминальной субкультуры в России в дореволюционный период // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 77–83.
19. Евреинов Н. Н. История телесных наказаний в России – пытки и казни при Петре. М.: Альма-Матер, 2023. 334 с.
20. Ключевский В. О. Курс русской истории. М.: Яуза, 2018. 1154 с.

References

1. Tagancev N. S. Kurs russkogo uголовnogo prava. Chast' obshhaya. Kniga pervaya. Uchenie o prestuplenii [Course of Russian criminal law. The general part. The first book. The doctrine of crime]. St. Petersburg, Tip. M. Stasulevicha, 1880. 174 p.
2. Kamedina L. V. Kul'turnaya kartina Smuty 1605–1612 gg. glazami russkikh pisatelej [Cultural picture of the Troubles of 1605–1612 through the eyes of Russian writers]. *Gumanitarnyj vektor. Seriya: Filologiya, vostokovedenie = Humanitarian vector. Series: Philology, Oriental Studies*, 2013, no. 4 (36), p. 53–58.
3. Lebedev S. Ya. Tradicii, obychai i prestupnost'. Teoriya, metodologiya, opyt kriminologicheskogo analiza [Traditions, customs and crime. Theory, methodology, experience of criminological analysis]. Moscow, Mezhhregional'nyj centr kommercheskoj bezopasnosti, 1995. 167 p.
4. Sokolov K. B., Chernosvitov P. Yu. Evropa i Rossiya: mental'nost' i hudozhestvennaya kul'tura: sravnitel'no-istoricheskij analiz [Europe and Russia mentality and artistic culture: comparative historical analysis]. Moscow, Nestor-Istoriya Publ., 2007, vol. 1. 718 p.
5. Strizhova I. M. Velikaya Russkaya Smuta. Prichiny vzniknoveniya i vyhod iz gosudarstvennogo krizisa v XVI–XVII vv. [The Great Russian Turmoil. The causes of the emergence and the way out of the state crisis in the XVI–XVII centuries]. Moscow, Dar' Publ., 2007. 209 p.
6. Belogric-Kotlyarevskij L. S. O vorovstve i krazhe po russkomu pravu. Istoriko-dogmaticeskoe issledovanie [On theft and theft under Russian law. Historical and dogmatic research]. Is. 1. Kiev, Univ. tip. (I. Zavadzko), 1880, p. 4–16.
7. Pososhkov I. T. Kniga o skudnosti i bogatstve i drugie sochineniya [A book about poverty and wealth and other writings]; ed. by B. B. Kafengauz. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1951. 411 p.
8. Tikhomirov M. N., Epifanov P. P. Sobornoe Ulozhenie 1649 goda [The Cathedral Code of 1649]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. 444 p.
9. Istoriya suda i pravosudiya v Rossii. T. 2. Zakonodatel'stvo i pravosudie v Moskovskom gosudarstve (koniec XV – 70-e gody XVII veka) [History of the court and justice in Russia. Vol. 2. Legislation and justice in the Moscow state (late XV — 70s of the XVII century)]; ed. by N. M. Zolotuhina, V. M. Syryh. Moscow, Norma Publ., 2017. 688 p.
10. V'junov V. M. Stanovlenie sostava razboya v rossijskom uголовnom prave [Formation of the composition of robbery in Russian criminal law]. *Sibirskij juridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2002, no. 3, pp. 15–21.
11. Andreeva O. A., Shkurko V. V. Istoriya formirovaniya uголовnoy otvetstvennosti za razboj v rossijskom uголовnom prave [The history of the formation of criminal responsibility for robbery in Russian criminal law]. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki = Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, 2020, no. 1 (31), p. 34–37.
12. Ulozhenie o nakazaniyah uголовnyh i ispravitel'nyh 1845 goda [The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845]. Sankt-Peterburg, Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj Ego imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1845. 922 p.
13. Uголовnoe ulozhenie 1903 g. [Criminal Code of 1903]. St. Petersburg, Izd. Senat. Tip., 1903. 144 p.
14. Sedov P. L. Zakat moskovskogo carstva: carskij dvor konca XVII veka [The decline of the Moscow Kingdom: the royal court of the end of the XVII century]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2006. 603 p.
15. Hadzhaeva N. H. Lingvokul'turologicheskij aspekt vzniknoveniya v yazyke social'noj leksiki [Linguoculturological aspect of the emergence of social vocabulary in the language]. *Lingua mobilis*, 2011, no. 6 (32), p. 66–70.

16. Priemysheva M. A. Tajnye i uslovnye yazyki v Rossii XIX v. [Secret and conditional languages in Russia of the XIX century]. Is. I. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2009. 986 p.
17. Uvarov A. I. Yuridicheskaya definiciya kriminal'noj subkul'tury [Legal definition of criminal subculture]. *Jurist"-pravoved" = Lawyer-jurist*, 2012, no. 4 (53), p. 113–116.
18. Zarubina K.A. O razvitii kriminal'noj subkul'tury v Rossii v dorevolucionnyj period [On the development of criminal subculture in Russia in the pre-revolutionary period]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Labochevskogo = Vestnik of Labochevsky University of Nizhny Novgorod*, 2022, no. 6, p. 77–83.
19. Evreinov N. N. Istoriya telesnyh nakazanij v Rossii – pytki i kazni pri Petre [The history of corporal punishment in Russia – torture and executions under Peter]. Moscow, Alma-Mater Publ., 2023. 334 p.
20. Kljuchevskij V. O. Kurs russkoj istorii [Course of Russian history]. Moscow, Yauza Publ., 2018. 1154 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Зарубина Кристина Александровна, преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: kris1996z@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2725-6906

Kristina A. Zarubina, Lecturer of Departments of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: kris1996z@mail.ru, ORCID: 0000-0003-2725-6906